

ЛЕВ ДОЛГИХ

ЗВЕРЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лев Долгих

Зверь

«Автор»

2026

Долгих Л.

Зверь / Л. Долгих — «Автор», 2026

На краю королевства Ардан, в посёлке, где закон не работает, а слухи заменяют правду, восемнадцатилетняя Мира живёт под опекой зельевара Керна. Внешне он уважаемый мастер, лечащий полпосёлка. Дома — человек, который пять лет испытывает на ней свои настойки и держит её младшего брата на каплях, без которых тот не проживёт и недели. Когда Керн отправляет Миру за редкими травами в глубокий лес с отрядом наёмников, у неё впервые появляется время думать. Она начинает искать «Зверя» — отряд, который несколько лет назад убирал тех, кого не мог наказать закон. Но след обрывается в трактирных байках, надежда на чужую помощь умирает, и Мира решает стать тем самым зверем сама. Мрачная камерная история о выживании, искажённой привязанности и о том, что спасение редко приходит в том виде, в каком его ждут.

© Долгих Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Три когтя	5
Глава 1. Утро в клетке	7
Глава 2. Лес и чужие люди	11
Глава 3. Цена заботы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лев Долгих

Зверь

Пролог. Три когтя

Дождь шёл третий день, и дорога от усадьбы до трактира превратилась в реку из глины. Лошади вязли по колено. Люди шли пешком, ведя их в поводу, и никто не разговаривал.

Он шёл последним. Так было заведено: командир смотрит в спины своим, а не наоборот.

В трактире их ждали. Хозяин выставил кружки и хлеб и ушёл спать, не спросив ни о чём, — за четыре года люди в этих краях научились не спрашивать, если у гостя на плече под рукавом три когтя. Огонь в очаге лизал сырые дрова и не давал тепла.

Лучник положил перед ним кожаную сумку. Сумку сняли с седла наместника, когда всё уже кончилось, и никто не заглянул внутрь. Незачем было. Они знали, зачем приехал наместник Ойлен. Управляющий барона Вельда сказал им это в лицо, с дрожью в голосе, с честными глазами: столица прислала человека вешать. Ойлен привёз списки. Три деревни — за недоимки, за бунт, за то, что кормили тех, кого не должны были кормить. Управляющий показал им письмо с печатью. Они видели такие печати раньше.

Он расстегнул сумку.

Сверху лежали чистые рубахи. Ниже — жестяная коробка с сушёными яблоками. Ниже — бумаги, перевязанные шнуром, который его руки автоматически равязали.

Первое письмо было приказом об аресте барона Вельда. Второе — поимённым списком людей барона, которых следовало допросить о хлебных обозах, пропавших в голодный год. Третье — черновиком донесения в столицу, написанным неровным почерком уставшего человека: «Край можно удержать без крови, если убрать одного. Прошу подкрепления не присылать. Солдаты здесь напугают больше, чем помогут».

Он читал медленно. Потом ещё раз. Потом положил бумаги на стол и накрыл их ладонью, как будто их могло сдуть.

За столом сидели одиннадцать человек. Все смотрели на него. Никто не спросил, что в письмах, — он понял по лицам, что они уже знают. Такое чувствуется по тому, как командир кладёт ладонь на стол.

— Нас использовали, — сказал он.

Голос вышел ровный. Он сам удивился.

— Вельд, — злобно высказался лучник.

— Да.

Лучник кивнул, как будто получил приказ, и командир увидел, как того рука ложится на колчан, и понял: ещё одно слово — и они поедут к барону, и через два дня барон будет висеть на собственных воротах, и это будет справедливо, и это ничего не изменит. Ойлен останется мёртвым. Три деревни, которые он собирался спасти, останутся без него. А завтра придёт другой человек с честными глазами и покажет другую печать.

Четыре года назад они начинали с того, что отбивали у сборщиков хлеб. Потом отбивали людей. Потом стало ясно, что закон сюда не доедет, а если доедет, то в виде того, кого следует бояться. И они стали законом сами. Судили быстро. Ошибались редко — так им казалось. Он помнил каждое лицо, которое они выбрали. До сегодняшнего дня ни одно из них ему не снилось.

— Нет, — сказал командир.

Лучник убрал руку с колчана и удивленно посмотрел на него.

— Мы закончили. Все. Сегодня.

Кто-то из молодых начал говорить, что нельзя, что край без них съедят за год, что барон... Он не слушал. Он снял куртку и поддел рукав рубахи, обнажив плечо. Клеймо было тёмным, старым, кожа вокруг него давно перестала быть чувствительной. Круг и три косых черты, будто зверь провёл лапой. Каждый из одиннадцати носил такое же.

Он вытащил нож, сунул лезвие в угли и стал ждать, пока сталь потемнеет.

— Не надо, — сказал лучник негромко.

— Надо.

Он прижал остриё к коже. Запахло палёным. Он вёл лезвием по первой черте, и мир на мгновение сузился до этой боли — маленькой, честной, понятной. Потом он остановился.

Не потому, что было больно. Потому что стало понятно: это было бы слишком просто. Выжечь, забыть, стать другим человеком. Он не заслужил права так легко избавиться от прежнего себя.

Он бросил нож на стол. Клеймо теперь было перечёркнуто одной кривой полосой, став похожим на жестокую цифру четыре, нежели на клеймо отряда.

— Кто хочет — идёт своей дорогой. Кто хочет — остаётся при мне. Но мы больше не судим. Никогда. Не вмешиваемся. Не выбираем, кому жить. Если кто-то из вас нарушит это — я узнаю.

Он поднялся, взял со стола письма наместника и положил их в огонь. Бумага долго не хотела гореть — сырая. Потом занялась.

— Утром едем на север, — сказал он. — Кто едет с нами — собирайтесь.

Утром с ним поехали четверо. К зиме осталось двое. К следующей осени — один, лучник, который так и не сказал ему ни слова о той ночи и не собирался говорить.

Три года они брали работу, за которую платят: караваны, волки, охрана. Три года он не вмешивался. Это было трудно только первый год. Потом стало привычкой, а привычка — это почти покой.

Про Зверя в трактирах рассказывали разное. Что его повесили. Что он ушёл за горы. Что его никогда не было и люди сами придумали себе судью, потому что настоящих не осталось.

Он слушал и молчал. Молчать он умел лучше всего.

Глава 1. Утро в клетке

Мира проснулась до того, как закричала. Так было почти всегда: тело успевало раньше, чем сон доходил до конца, и она открывала глаза с колотящимся сердцем и сжатым горлом, но без звука. За пять лет она научилась просыпаться тихо. Керн не любил, когда в доме шумели по ночам.

Она лежала и слушала, как сердце понемногу выравнивается. Кошмар уже расплзался, оставляя только ощущение — что-то держало её за затылок и не давало поднять голову. Она не пыталась вспомнить. Незачем.

Серый свет пробивался в щель между занавесками. Комнатка под крышей была единственной в доме, где занавески позволялось раздвигать: Керн сюда почти не поднимался. Внизу все окна были завешены плотной тканью — он говорил, что от света у него болит голова и портятся составы. В доме круглый год стояли сумерки, и Мира иногда думала, что забыла, как выглядит комната, залитая солнцем.

Снизу донёсся скрип половицы.

Тело сжалось само, до того как она подумала. Она лежала неподвижно, считая: один, два, три. Второго скрипа не было. Значит, ещё не встал. Или встал и стоит.

На соседней кровати завозился Алан. Он спал на боку, лицом к стене, и теперь повернулся к ней. В утреннем свете его лицо казалось совсем детским: ему было четырнадцать, а выглядел он на одиннадцать. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами, которые не сходили уже год. Но спокойный. Во сне он всегда был спокойным.

Потом он кашлянул. Тихо, в подушку, не просыпаясь. И ещё раз.

Мира села.

Кашель был сухой, короткий — не тот, что она боялась услышать, не тот глубокий, с хрипом, который поднимался из самой груди и не отпускал по полчаса. Пока сухой. Но она уже знала наизусть, как один переходит в другой.

«Надо принести капли, — подумала она. — Пока не стало хуже».

И сразу следом пришла вторая мысль, привычная, как дыхание: «Керн уже мог проснуться».

Она встала, стараясь не скрипнуть кроватью. Оделась: серая рубаша, тёмная юбка до щиколотки, шерстяная кофта с обтрёпанными рукавами. У неё было три комплекта одежды, и все три были одинаковыми — серое, коричневое, чёрное. Однажды, ещё в Сарме, соседка подарила ей платок с красной каймой. Керн увидел, забрал и ничего не сказал. Платок она больше не видела. Он не запрещал вслух — он просто убирал то, что ему не нравилось, и ждал, пока она сама перестанет тянуться к таким вещам. Она перестала.

Босиком, чтобы не стучать, она вышла из комнаты и стала спускаться. Лестница была узкая, крутая, с седьмой ступенькой, которая скрипела, если наступить в середину. Она наступила ближе к стене.

Ещё три ступеньки. Дверь в кухню — приоткрыта. Дверь в лабораторию — закрыта, как всегда. Дверь в его комнату...

Он стоял в проёме. Не двигался. Просто стоял, привалившись плечом к косяку, в тёмно-синем домашнем халате, с уже расчёсанными волосами, и смотрел, как она спускается. Она не знала, сколько он там стоял. Может, с самого скрипа половицы. Может, ждал специально.

— Куда крадёшься? — спросил Керн.

Голос у него был мягкий. Он всегда был мягкий. За пять лет он ни разу не повысил на неё голос, и Мира давно поняла, что это хуже крика: крик кончается, а мягкость — никогда.

— Алан кашляет, — сказала она.

Взгляд она держала чуть ниже его подбородка, на впадине между ключицами, где халат расходился. Так он её приучил. В глаза смотреть было нельзя — «это вызов», говорил он, «а ты не в том положении». В пол смотреть тоже было нельзя — «ты не собака». Подбородок. Ключицы. Середина.

— Понятно.

Он отделился от косяка и подошёл. Она стояла. Он поднял руку и взял прядь её волос — легко, двумя пальцами, как берут образец.

— Интересно, — сказал он. — Отросли. За неделю на ладонь, да?

— Не знаю.

— Знаешь. Ты всё замечаешь, я тебя учил.

Он провёл пальцами до самых концов, пропуская пряди, глядя не на неё, а на волосы. Она чувствовала запах его рук — лаванда и спирт, — и стояла неподвижно, потому что двигаться было нельзя, пока он смотрит.

— Значит, шестая настойка всё-таки действует на рост тканей. Не туда, куда я хотел, но действует. Постой.

Он достал из кармана халата записную книжку — потрёпанную, в коричневой коже, — и стал писать, придерживая страницу большим пальцем. Мира стояла. Так стоят вещи, которые описывают. Ей однажды пришло в голову, что она — самая исписанная вещь в этом доме: пять лет, четыре книжки, каждый её кашель, каждая температура, каждый день, когда она не могла встать. Всё там.

— Состриги до вечера, — сказал он, не поднимая глаз. — Как обычно, до мочки уха.

— Хорошо.

— И не дёргай плечами, когда я говорю. Это некрасиво.

— Хорошо.

Он закрыл книжку. Улыбнулся — той самой улыбкой, которую люди в посёлке считали доброй. У Керна было приятное лицо: высокий лоб, тонкий нос, седина на висках, аккуратно подстриженная борода. На рынке женщины оборачивались. Староста звал его к жене, когда у той начинались боли. Полпосёлка лечилось его порошками. Он никогда не выглядел тем, кем был, и Мира иногда думала, что именно поэтому ей никто бы не поверил.

— Пойдём, — сказал он. — Есть разговор.

Он пошёл на кухню, не оборачиваясь, и она пошла следом. Синий халат, прямая спина, неторопливые шаги. Он никогда не спешил. Спешат те, кто боится опоздать.

На кухне было холодно — печь не топили с вечера. Керн открыл шкафчик над столом, тот самый, к которому у неё не было ключа, и достал склянку из тёмного стекла. Внутри плескалось до половины. Старая, что стояла у кровати Алана, опустела ещё вчера вечером; новую он всегда выдавал сам.

Он не протянул ей склянку. Просто держал её в руке, в стороне от Миры, и она понимала, что это тоже часть разговора.

— Мне не хватает ингредиентов, — сказал он. — Того, что ты приносишь с опушки, мало. Это трава для деревенских знахарок, не для настоящей работы. Мне нужно то, что растёт глубже. За ручьём.

Мира подняла взгляд. Не на лицо — на склянку. Она пыталась понять, зачем он это говорит. Проверяет, испугается ли она. Или это правда.

— За Гнилым ручьём? — спросила она.

— Да.

За Гнилым ручьём начинался настоящий лес. Тот, куда деревенские не ходили, а охотники ходили только по двое и только до полудня. Оттуда приносили серебрянку, кровохлёб, ведьмин зуб — и цены на них на рынке были такие, что за один пучок можно было прожить неделю. Там пропадали люди.

— Я договорился, — сказал Керн. — Помнишь отряд Шена? Наёмники, стоят у западной стены. Ты ходила с ними в прошлом году по краю леса.

Она помнила. Три или четыре вылазки, недалеко, по краю. Молчаливый рыжий мужчина, который говорил ей два слова в день, и высокий лучник, который не говорил ни одного. И женщина. Женщину она помнила лучше всех.

— Они берут дальние заказы. Я буду платить им за сопровождение, ты будешь ходить с ними и брать, что нужно. Ты знаешь травы лучше любого в этом посёлке. Ты знаешь, чего нельзя касаться. И ты... — он чуть наклонил голову, — крепкая. Ты выдержишь то, чего не выдержит другие... с твоими знаниями. Я об этом позаботился.

Он сказал это как благодеяние. Он всегда так говорил о том, что с ней делал.

— Как часто? — спросила она.

— Как понадобится. Первый выход — завтра, на рассвете. Шен ждёт тебя у их лагеря.

Он наконец протянул ей склянку. Она взяла её обеими руками, не позволив пальцам дрогнуть.

— Три капли, — сказал Керн. — Не четыре. Ты сама знаешь, что будет от четырёх.

— Знаю.

— И ещё, Мира. — Он подождал, пока она поднимет взгляд до ключиц. — Отряд Шена — грубые люди. Они не понимают того, что понимаем мы. Не нужно рассказывать им о доме. О том, как мы живём. Они не оценят.

Это был не совет. Она кивнула.

— Умница. Утреннюю пробу — после того как отнесёшь брату. Я приготовил, стоит на столе в лаборатории. Дверь открыта.

Она поднялась вверх, держа склянку перед собой.

Алан уже не спал. Он сидел на кровати, подтянув колени к груди и укрыв их одеялом, и смотрел на дверь. Когда она вошла, он попытался улыбнуться.

— Ты долго, — сказал он. — Я думал, он тебя отправил в лабораторию.

— Потом. Сначала ты.

Она накапала три капли в ложку, разбавила водой из кружки и поднесла к его губам. Он выпил, сморщился — вкус был горьким, с металлической ноткой, — и откинулся на подушку.

— Он тебя ругал?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Какое?

— Как будто ты сидишь на гвозде и делаешь вид, что тебе удобно.

Она хотела ответить резко и не смогла. Алан смотрел на неё серьёзно, слишком серьёзно для своего лица. Он умел это — замечать. Она думала иногда, что он единственный человек, который смотрит на неё по-настоящему, а не как на вещь или помеху.

— Керн договорился с наёмниками. Я буду ходить с ними в глубокий лес. За ручей.

Алан молчал.

— Это хорошо, — сказала она. — Там серебрянка. Там всё, что нужно. Ему будет хватать, и он...

Она не договорила, потому что не знала, что будет «он». Отпустит? Смягчится? Она не верила ни в первое, ни во второе, и Алан тоже не верил, она видела по его глазам.

— Там опасно, — сказал он.

— Я буду не одна, люди с оружием, опытные.

— Он их нанял. Значит, они его люди.

Ей стало холодно от того, как точно он это сказал. Четырнадцать лет.

— Я осторожная, — сказала она. — Ты знаешь.

— Знаю. — Он помолчал. — Принеси мне что-нибудь оттуда. Не траву. Что-нибудь просто так. Камень. Шишку.

— Хорошо.

— И ещё, Мира... — он сглотнул, — если там будет хорошо... ну, если там будет лучше, чем здесь... не возвращайся сразу. Побудь. Я потерплю.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб — горячий, как всегда, с лёгкой испариной. Потом вышла, пока лицо не выдало её окончательно.

Внизу, в лаборатории, на рабочем столе стояла маленькая чашка. Утренняя проба. Мутная зелёная жидкость с плёнкой сверху. Рядом лежала записная книжка и перо — она должна была написать время. Керн сидел в углу, в своём кресле, и делал вид, что читает.

Она выпила. Жидкость обожгла горло, потом обожгла желудок, потом растеклась по рукам тёплыми нитями и заколола в кончиках пальцев. Знакомо. Шестая настойка, вторая неделя. Она написала время, поставила чашку.

— Ну? — спросил Керн из угла.

— Жжёт. Пальцы колет. Как вчера.

— Сердце?

Она прислушалась. Сердце билось ровно, разве что чуть сильнее обычного.

— Обычно.

— Хорошо. Иди.

Вечером, когда стемнело, она сидела на кухне перед тёмным окном — оно было единственным зеркалом, которое ей позволялось, — и стригла волосы кухонными ножницами. Тёмные пряди падали на расстеленную тряпку. Мочка уха. Ровно. Она делала это столько раз, что руки не нуждались в отражении.

Она думала не о волосах.

Она думала о лесе за ручьём. О том, что там, по слухам, растёт всё, что угодно, — в том числе то, чего Керн не знает. О том, что чужие люди с оружием — это не обязательно его люди, даже если он им платит.

И о том, что Алан сказал «я потерплю», как будто это он должен был терпеть за неё.

Она сгребла волосы в тряпку, свернула, отнесла в печь. Керн требовал сжигать. Он не хотел, чтобы что-то из неё оставалось там, где он этого не видит.

Завтра — лес.

Глава 2. Лес и чужие люди

Лагерь наёмников стоял у западной стены, там, где частокол Многоцвета кончился и начинался пустырь с редкими берёзами. Два сруба, навес для лошадей, кострище, обложенное камнями, и жердь с натянутой верёвкой, на которой сушились рубахи. Никакой грязи. Никаких пьяных у костра, какими Мира представляла себе наёмников до того, как увидела этих. Всё на своих местах, как в аптечном шкафу.

Она пришла до рассвета и остановилась у края пустыря, не решаясь войти. С собой у неё была холщовая сумка с ножом, льняными мешочками для сбора, мотком бинта, флягой и двумя лепёшками. Керн выдал лепёшки сам и пересчитал.

— Керновская собачка пришла, — сказал голос сзади.

Мира не обернулась. Она узнала голос.

Линда обошла её и встала перед ней, разглядывая с головы до ног. Тридцать с чем-то, высокая, с пепельной косой, перекинутой через плечо, и узким лицом, на котором даже улыбка получалась острой. Кожаная куртка, охотничий нож на бедре, короткий лук за спиной. В прошлом году Линда почти не замечала её. Что-то изменилось.

— Волосы состригла, — сказала Линда. — Или это он тебя стрижёт? Как овцу?

— Где Шен? — спросила Мира.

— Ишь ты. «Где Шен». Не «доброе утро», не «спасибо, что берёте». — Линда усмехнулась. — Мастер Керн говорил, что ты неблагодарная. Я думала, он преувеличивает.

Мастер Керн. Мира отметила это и промолчала.

— Линда.

Голос был негромкий, но Линда сразу отступила на шаг, как будто её позвали с другого конца поля. Мира обернулась.

Шен стоял у ближнего сруба и затягивал ремень на поясе. Ей показалось, что он там стоял всё это время. Он был невысоким, но широким в плечах, с короткими рыжими волосами, неровно, по-походному остриженными, и спокойным, неприметным лицом. Запоминались только глаза — усталые и очень внимательные. Ему было под тридцать, и выглядел он на свои годы.

— Ты Мира, — сказал он. Не спросил.

— Да.

— Пойдёшь за Тулином. Не отставай и не обгоняй. Если что-то видишь — грибы, следы, что угодно, что тебе не нравится, — говоришь мне. Не Линде, не Гасту. Мне. Понятно?

— Да.

— Ольд.

Из-за сруба вышел седой человек лет пятидесяти с лицом, похожим на кору, и с котелком на верёвке через плечо. Он оглядел Миру и хмыкнул.

— Кормить будем как свою, — сказал Шен. — Она идёт как член отряда.

— Понял, — сказал Ольд.

Линда открыла рот. Шен посмотрел на неё, и она его закрыла.

— Выходим.

Они прошли ближний лес за час, не разговаривая. Мира шла за Тулином и смотрела ему в спину — узкую, прямую, с луком. Он ни разу не оглянулся проверить, здесь ли она. Она подумала, что он и так знает, — по звуку шагов. Ольд шёл первым, за ним Шен, потом Тулин, она, Гаст и Линда. Гаст был самым молодым, лет двадцати, с круглым лицом и постоянно жующим ртом — он что-то грыз всю дорогу, то корку, то травинку, — и он единственный пытался с ней говорить.

— Ты правда ядовитое можешь есть? — спросил он шёпотом на второй версте. — Линда говорила.

— Не всё.

— А что можешь?

— Помолчи, Гаст, — сказал Тулин, не оборачиваясь.

Это были первые слова, которые Мира вообще от него услышала. Гаст замолчал.

Гнилой ручей оправдывал название: вода в нём стояла ржавая, с плёнкой, и пахла тухлым яйцом. Ольд перевёл их по стволу упавшей ели, и когда Мира спрыгнула на другой берег, ей показалось, что она вошла в другую комнату.

Лес изменился. Деревья стали толще и стояли реже, но кроны сходились наверху так плотно, что свет падал вниз пятнами, как сквозь дырявую крышу. Земля была мягкая от мха и старой хвои, и звук шагов в ней тонул. Пахло грибами, влажной корой, чем-то сладковатым и тяжёлым, чего она не знала. Птиц было меньше. Тишина здесь была не пустая, а полная — как в комнате, где кто-то спит.

Ольд остановился, присел на корточки, посмотрел на землю и что-то показал Шену. Шен кивнул. Мира заглянула через плечо Тулина: след, широкий, с когтями, размером с две её ладони.

— Медведь, — сказал Тулин негромко. — Старый. Ушёл на север дня три назад.

Он сказал это ей. Она не поняла почему. Потом сообразила: она, наверное, поблуднела.

— Не бойся, — сказал Гаст сзади. — Медведи людей не едят. Только ноги.

— Гаст.

— Молчу.

Работать она начала сразу, потому что серебрянка нашлась быстро — на первом же поваленном стволе, в тени, где ствол касался земли. Тонкие бледные стебельки с серебристой изнанкой листа, растущие пучками из трухлявой древесины. Она встала на колени, достала нож и стала срезать у основания, оставляя корешки, — так пучок отрастёт снова к следующему месяцу. Керну она этого не говорила. Он бы велел выдирать с корнем.

Тулин остановился рядом и смотрел, как она работает.

— Долго? — спросил он.

— Четверть часа. Здесь много.

Он кивнул и отошёл шагов на десять, встал спиной к ней, лицом к лесу. Она поняла, что он её охраняет, и не знала, куда деть это ощущение.

Пока она резала, Гаст полез к соседнему стволу за грибами — крупными, рыжими, красивыми, — и она увидела это краем глаза, когда он уже протянул руку.

— Не трогай.

Он замер.

— Это ведьмин зуб. Он не ядовитый, если его не есть. Но если ты его тронешь и потом потрёшь глаза — ослепнешь на день. А если у тебя есть царапина на руке...

Гаст медленно убрал руку. На тыльной стороне ладони у него была свежая ссадина.

— ...то к вечеру будешь весёлый, а к утру — не очень.

— Спасибо, — сказал он серьёзно. — А Керну он нужен?

— Нужен. Я соберу. У меня есть чем.

Она достала из сумки перчатки из плотной кожи — единственную дорогую вещь, которую Керн ей купил, потому что без них она ему обходилась дороже, — и срезала гриб в отдельный мешочек.

За её спиной Линда сказала кому-то, не понижая голоса:

— Смотри-ка, показывает, какая полезная. Ещё бы. Мастер Керн из неё пять лет полезную делал.

Мира резала. Руки не дрогнули. Она это отметила про себя с тем же холодным интересом, с каким Керн отмечал её пульс.

К полудню сумка была на треть полна. Они дошли до места, которое Ольд назвал Оврагом, — длинной сырой ложбины с папоротником в человеческий рост, — и здесь Мира нашла кровохлёб. Она увидела его по цветку, тёмно-красному, почти чёрному, на высоком голом стебле, и полезла вниз по склону, прежде чем подумать.

— Стой.

Шен. Она остановилась, держась за корень.

— Что там?

— Кровохлёб. Мне нужен корень. Он растёт только на таких склонах.

— Сколько тебе нужно времени?

— Полчаса. Копать надо аккуратно, он ломкий.

Шен посмотрел на склон, на папоротник, на небо. Потом на Тулина. Тулин кивнул, сошёл вниз первым и встал в папоротнике, по грудь в зелени, лицом к дальнему краю оврага.

— Полчаса, — сказал Шен. — Ольд, наверх. Гаст — с Ольдом. Линда — левый край.

Никто не спорил. Мира спустилась. Земля на склоне была чёрная, жирная, пахла железом. Она копала ножом и пальцами, отгребая землю, стараясь не зацепить корень, который уходил вглубь узловатыми красноватыми отростками. Когда она вытянула первый, он был длиннее с её локоть и на изломе действительно пах кровью.

Пока она копала, она заметила, что дышит иначе.

Не быстрее и не медленнее. Просто глубже. Дома она никогда не дышала глубоко — привычка, как ходить у стены на лестнице. Дома воздух был общий, с ним, и его надо было брать понемногу. Здесь воздуха было столько, что она чувствовала, как раздвигаются рёбра.

Это было глупое ощущение. Она в овраге, в глухом лесу, вокруг пять вооружённых людей, нанятых её сопровождать, а рядом ходит медведь размером с дверь. Ей должно было быть страшно, и ей было страшно — но это был другой страх, не тот. Здешний страх был снаружи. Он приходил из леса и мог уйти обратно в лес. Она могла от него отойти.

Домашний страх был внутри, и от него отойти было нельзя.

— Время, — сказал Тулин.

Она выкопала три корня и уложила их в мешочек, пересыпав сухим мхом.

Обратно шли быстрее. У ручья остановились поесть: Ольд развёл маленький костёр, вскипятил воду, бросил в неё крупу и кусок вяленого мяса. Мира сидела на камне в стороне, пока Ольд не сунул ей в руки миску.

— Ешь. Слышала, что командир сказал.

Она ела. Каша была пресная, горячая и очень хорошая.

Гаст решил обмотать бинтом ссадину на тыльной стороне ладони. Отрезая полоску ткани на весу, он повёл ножом к себе; лезвие соскользнуло и рассекло другую ладонь — глупо, по-мальчишески. Гаст заругался. Кровь сразу выступила по всей длине пореза. Мира встала, не думая, подошла, взяла его порезанную руку и повернула к свету.

— Неглубоко. Сожми кулак.

Она промыла рану водой из своей фляги, достала из сумки мешочек с сушёным тысячелистником, растёрла в ладони, присыпала, замотала бинтом — туго, но не до синевы. Гаст смотрел на её руки.

— Ты быстро, — сказал он.

— Практика.

Она вернулась на камень. Когда подняла глаза, Шен смотрел на неё через костёр. Не оценивал, не изучал — просто смотрел, спокойно, будто отмечал что-то у себя в голове. Потом отвернулся.

— Шен, — сказала Линда громко, — ты видел? Собачка кусаться не умеет, зато лизать раны научилась.

Гаст нахмурился. Ольд сплюнул в костёр. Тулин не пошевелился.

— Линда, — сказал Шен ровно, — у тебя левый край на обратной дороге.

— Я знаю.

— Тогда иди на левый край.

Линда встала и ушла. Мира сидела и смотрела в миску. Она понимала, что Шен не заступался за неё. Он просто наводил порядок в отряде — как поправил бы криво лежащий мешок. И всё же дышать стало легче, и она злилась на себя за это.

К посёлку вышли на закате. У западных ворот Шен остановился и протянул руку — она не сразу поняла, зачем.

— Сумку. Керн платит за то, что в ней. Я должен видеть.

Она отдала. Он раскрыл, посмотрел, не трогая, закрыл и вернул.

— Хорошая работа. Завтра отдыхаешь. Послезавтра — снова, если Керн скажет.

— Он скажет.

Шен посмотрел на неё чуть дольше, чем нужно.

— Тебе виднее, — сказал он.

Она шла домой по темнеющей улице, и в кармане юбки у неё лежала шишка — крупная, тяжёлая, с закрытыми чешуйками, ещё пахнущая смолой. Она сорвала её с ветки на обратном пути, когда никто не смотрел.

Глава 3. Цена заботы

Керн ждал в лаборатории. Всякий раз, когда она возвращалась с добычей, он ждал именно там — не на кухне, не в комнате, а за рабочим столом, под лампой, с чистым листом бумаги и разложенными весами. Так лекарь ждёт больного. Так покупатель ждёт товар.

Мира поставила сумку на стол и отступила на шаг.

Он развязал мешочки один за другим и стал выкладывать содержимое на бумагу. Серебрянку — по пучкам, расправляя каждый стебель. Ведьмин зуб — на отдельный лист, не прикасаясь, палочкой. Корни кровохлёба он взял в руки и долго поворачивал под лампой.

— Три, — сказал он.

— Там было больше. Шен дал полчаса.

— Шен дал. — Он положил корень. — Ты сказала ему, что нужно больше?

— Сказала, что нужно полчаса.

— То есть не сказала.

Она молчала. Он отломил кусочек корня, растёр между пальцами, понюхал.

— Старый. Видишь, сердцевина тёмная? Ему лет пять. Мне нужны молодые, двух-трёх-летние, они мягче. Ты это знаешь.

— Молодых там не было. Они растут ниже по склону, там мокро, я не успела...

— Мира.

Она замолчала.

— Я не спрашиваю, почему ты не принесла. Я объясняю, что ты принесла не то. Это разные вещи. Первое — оправдание, второе — знание. Я хочу, чтобы ты знала. Оправдываться тебе не перед кем.

Он говорил это ласково. Она смотрела на его ключицы.

— Серебрянка хорошая, — продолжил он, перебирая пучки. — Срезала у корня, не выдирала. Правильно. Она отрастёт.

Мира моргнула. Не так давно он говорил совершенно обратное.

— Теперь проба.

На краю стола стояла чашка. Не утренняя — другая, поменьше, с жидкостью тёмно-янтарного цвета. Керн придвинул к ней записную книжку.

— Что это?

— Седьмая. Шестую я закрываю, результат понятен. Здесь другая основа. Может греть. Если начнёт сильно колотить сердце — скажи, не жди.

Она выпила.

Сначала не было ничего. Потом пришёл жар — не в горле, а сразу в груди, будто она проглотила уголь. Жар пошёл вверх, в лицо, и вниз, в ноги, а пальцы на руках мелко задрожали, как от холода. Сердце ударило один раз очень сильно, а потом зачастило.

— Сердце, — сказала она.

— Сильно?

— Быстро.

— Сядь.

Она села на табурет. Керн взял её запястье, приложил два пальца, посмотрел на песочные часы. Его рука была сухая и прохладная. Она смотрела на его пальцы на своей коже и думала, что если бы этот человек сейчас умер — вот просто упал бы, — она бы не знала, что делать первые несколько минут. Не от горя. От того, что за пять лет ни одна минута не была её.

— Сто десять, — сказал он и записал. — Терпимо. Посиди.

Она сидела. Жар постепенно уходил вниз, в живот, и там оседал тяжёлым тёплым комом. Пальцы перестали дрожать.

— Как ощущения?

— Тепло. Тяжесть в животе.

— Тошнота?

— Нет.

— Хорошо. Завтра утром — ещё раз, половину дозы. Я хочу посмотреть на накопление.

Он закрыл книжку и, не глядя на неё, стал разбирать травы дальше. Это значило, что она свободна. Она поднялась — ноги были ватные — и вышла, придерживаясь за косяк.

Алан не спал. Он сидел на кровати, спиной к стене, с книгой на коленях. Книга была одна и та же уже год — старый травник с оторванной обложкой, который Керн выбросил, а Мира подобрала. Алан знал его наизусть и всё равно читал.

— Ты вся красная, — сказал он.

— Проба.

— Плохо?

— Нет. Тепло.

Она достала из кармана шишку и положила на его одеяло. Алан посмотрел на неё, потом на Миру, и так обрадовался, что она отвела глаза.

— Ты не забыла.

— Ты просил.

Он взял шишку обеими руками, понюхал, потрогал чешуйки.

— Расскажи.

Она села к нему на кровать и рассказала. Про ручей, который пахнет тухлыми яйцами, и про то, как по другую сторону ручья лес меняется — становится темнее и тише, как будто заходишь в церковь. Про мох, в котором нога тонет по щиколотку. Про след медведя размером с две ладони. Про Гаста, который порезался о собственный нож. Про Ольда, который варит кашу лучше, чем она.

Про Линду не рассказала. Про то, как дышалось, — тоже.

— А тот, рыжий? — спросил Алан. — Командир?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.